

Мартин МакДонах
Очень-очень-очень темное дело

Перевод Татьяны Пешковой
Литературная редакция Ильи Губина

Действующие лица:
(В порядке появления)

Рассказчик
Марджори
Ганс Христиан Андерсен
Эдвард Коллин
Ингрид
Журналист
Дирк и Барри
Оеки
Чарльз Диккенс
Кэтрин
Кейт, Уолтер и Чарльз младший

Часть первая
Сцена первая

Чердак дома в Копенгагене, конец 1800-ых годов. На деревянных стенах висят разнообразные красиво сделанные, но довольно специфические куклы-марионетки, или они могут быть разбросаны по грязному полу; куклы тарантулов, крабов, кукла-пугало, кукла лесоруба, также как и более заурядные куклы животных - котёнок, морские коньки, голуби, колибри и т.п., все очень яркие, цветные. На задней стене висит концертинно (Язычковый пневматический музыкальный инструмент, изобретённый в первой четверти XIX века). Справа на этой стене высокое окно, к которому снизу приставлена очень плохо сделанная лестница. За окном сумеречный вид низких крыш и каналов Копенгагена. Как только начинается спектакль, коричневато-красный ящик, размером 91,5 см на 91,5 см (3 фута на 3 фута), подвешенный на толстую веревку на колосниках, начинает медленно и театрально раскачиваться назад и вперёд, двигаясь слева направо, но делает это как-будто в рапиде. На передней стенке ящика, ближе к верхнему краю, есть круглое отверстие, а тонкая прорезь расположена внизу этой же стенки ящика. Ширина прорези достаточна для того, чтобы пропихнуть внутрь или вытащить наружу несколько листов бумаги. Пока мы не видим задней стенки ящика, не видим мы и сквозь отверстие или прорезь, но перемещение теней и света внутри говорит нам о том, что там что-то живое и подвижное. Рассказчик с хриплым голосом прокашливается, чтобы прочистить горло, затем говорит...

Рассказчик. Вы могли бы назвать это головоломкой, или могли бы назвать поэмой. Правда, я бы это не назвал ни тем, ни другим, но вы бы могли. В смысле, человек мог бы, понимаете...?

Пальцы маленькой чёрной женской руки появляются в круглом отверстии, нежно хватаются за его края во время пары раскачиваний, затем в отверстии появляется глаз очень маленькой чёрной женщины.

Если бы вы были пигмейкой из Конго, пигмейкой, которую держали шестнадцать лет в заточении в коричневато-красном ящике, размером три фута на три фута, с несколькими листами бумаги и карандашом в качестве единственной компании.... как бы вы отнеслись к идее повеситься?

Несколько стопок пергамента, на которых выведены тексты прекрасным почерком, проскальзывают наружу через прорезь и мягко разлетаются по полу чердака.

У вас нет веревки. У вас нет шнурков от обуви. И вообще, у вас осталась только одна стопа. И как бы вы отнеслись к идее повеситься? Эта идея крутится у вас в голове уже давно.

По мере того, как Рассказчик продолжает говорить, ящик плавно поворачивается, а раскачивание замедляется, и мы видим, что задняя стенка ящика выполнена из стекла, с отверстием и прорезью в тех же местах, что и на другой стенке, а внутри ящика, и тут мы словно зажигаем спичку, чтобы пролить свет на предмет разговора, находится, как мы описали, крошечная чёрная женщина, элегантно одетая. Маленькая чёрная муслиновая сумочка прикрывает ее отсутствующую левую стопу.

Ты умна. Ты, собственно, одна из наиболее легендарных писателей своего поколения, помимо твоей сестры. Но ты пигмейка, и ты женщина, и ты родилась в Конго в 1869 году - самое плохое время для рождения любого человека хоть где, не говоря уже о чёрной карлице. Поэтому, никто не мог знать даже о твоём существовании, не говоря уже о следующих пятнадцати поколениях, которые будут после тебя. Что же ты собираешься делать?

Она садится, мы можем видеть, что за ее спиной весь интерьер ящика покрыт надписями и пометками и формулами, сделанными крошечной рукой.

Твой муж умер, и он не может тебе помочь, твои дети умерли, и тоже не могут тебе помочь. У твоей сестры свои беды с обувными шнурками, в своем ящике в чертовой Англии девятнадцатого века. И что же ты собираешься делать?

Она зажигает маленькую сигару и продолжает сидеть, глядя вперёд, спокойно курит, спичка все еще горит.

Но, возможно, ты вообще не собираешься вешаться. Возможно, это пораженческая позиция. Возможно, ты напишешь свой выход отсюда? (Пауза). О, да-а, вот оно! Возможно, ты напишешь свой выход отсюда.

На мгновение она посмотрела на нас, затем задула спичку, и с ящика уходит свет, затем с чердака до тех пор, пока не остаётся только синий свет в темном небе за окном. Фейерверки начинают сверкать на том же далеком небе.

Сцена вторая

Изысканный приём на открытом воздухе, в саду, в Копенгагене, который происходит по времени после событий прошлой сцены. Множество гостей, включая Эдварда Коллина, его восьмилетнюю дочь Ингрид, журналиста со словом «Пресса» на ленте его шляпы, и еще несколько важных персон со своими хорошо одетыми детьми, все они стоят и слушают долговязого и необычно одетого Ганса Христиана Андерсена, находящегося на помосте с пюпитром, впервые читающего вслух «Русалочку», как раз в тот же момент, как фейерверки начинают сверкать на небе сзади.

Ганс: «И Русалочка подняла свои сияющие глаза к небу и почувствовала, впервые в жизни, как они наполнились слезами...» Фейерверки?! Для меня?! Для Ганса Христиана Андерсена?! (Пауза) Я сказал «Фейерверки?! Для меня?! Для Ганса Христиана....» (тихо) Скажи да....

Эдвард: Да!

Гости начинают хлопать

Ганс: Фейерверки?! И аплодисменты?! Для ничем не примечательного Ганса Христиана Андерсена? Я могу расплакаться! Я знал, что моя новая сказка чудесна и уникальна, но фейерверки! Боже! Фейерверки изобретены китайцами, это малоизвестный факт.

Фейерверки и стены, это они изобрели. А кто бы мог жить без того и другого? Никто! И тем не менее, как говаривала моя старуха-мать, еще один малоизвестный факт о китайцах, они - абсолютные дикари: едят щенков своих детей, а потом, если по-прежнему голодны, едят и своих детей! (Журналисту) Не записывай это, эй, старина «газетная утка»! А то нормальные маленькие дети могут испугаться этого жестокого образа, а нормальные маленькие дети – это не только живительная кровь Дании, но и мои истинные фанаты, поэтому, понимаешь? Прекрасный Эдвард Коллин? На чем я остановился?

Эдвард: Русалочка отказалась убить принца, и сейчас выясняется, что она может умереть.

Ганс: Умереть? Правда? Конечно, «Правда!» Это же моя сказка, не так ли? (Снова читает) «Сияющие глаза к небу... наполнились слезами...» А, да. «На корабле, на котором она оставила своего прекрасного принца, она увидела, как он и его прекрасная невеста ищут ее...»

Появляются два «красных человека»: голые по пояс, головы и торсы полностью покрыты субстанцией, похожей на кровь. Вдоль их рук и по бокам идут шрамы, а за поясами сзади у них револьверы. Они медленно входят и пристально смотрят на Ганса. Ганс немного обескуражен их странным присутствием.

Это что такое? Окровавленные люди! Или что это, джем? Пожалуй, это липко...

Гости смотрят по сторонам. Но похоже, никто не видит то, что видит Ганс.

А, остальные не видят измазанных кровью людей... Что за окровавленные люди?! Именно! Это всё - часть новой сказки, которую я сочиняю, но которую оставлю на потом. «Измазанные кровью человечки, которые пришли на чай». Видите, у меня так много сказок, что они просто выскакивают отовсюду, не правда ли?словно осьминог в смирительной рубашке! Почему смирительная рубашка выскочила из моей головы именно в данный момент, я не знаю. Хотя моя мать сошла с ума! Да, конкретно шизанулась. Она была ничем не примечательной, пьющей прачкой, а потом она шизанулась. Не позавидуешь, но это Дания, поэтому, понимаешь? Эдвард?!

Эдвард: «Ищут ее...»

Ганс: Ищут ее?!

Ганс замечает, что один из красных парней прочищают горло и сгибает руки.

Эдвард: Сказка...

Ганс: Ах, да! «Ищут ее...словно они знали, что она выбросилась в волны!» А потом, угадайте, что, «Она вспорхнула вверх, вместе с другими детьми воздуха, к розовому облаку, плывущему сквозь...воздушный эфир...? Эва? Ева? Эфер...? «А через триста лет», говорит фея «мы улетим в божье царство. А, может быть, мы попадём туда раньше, потому что каждый день мы встречаем хорошего ребёнка...». Слушайте это, вы... «Каждый день мы встречаем хорошее дитя, радующее своих родителей и достойное их любви. Тогда наш срок сокращается. Но где бы мы ни встретили капризного или злого ребёнка ...»

Он указывает на толстого ребёнка.

«Мы проливаем слезы печали, и каждая слеза прибавляет к долгому сроку нашего испытания лишней день». Немного мрачно в конце, но это «Русалочка», она для всех от меня, от Ганса Христиана Андерсена!

Громогласная овация, бросают цветы и т. д., в то время, как Ганс спускается со сцены и жмёт руки всем и каждому, поглядывая на окровавленных парней, которые не аплодируют.

Если точнее, они жестикулируют журналисту, который подходит к ним, и это ошеломляет Ганса вдвойне в то время, как он получает похвалу от Эдварда и его дочери.

Эдвард: О, мой дорогой Ганс! О, это твоя лучшая, Ганс! Я думаю, это твоя лучшая!

Ганс: Эдвард Коллин, ты просто роскошен! Не правда ли?! Посмотри на себя! Роскошен! Как человек, я имею в виду. Не *роскошный-роскошный*. У тебя прекрасный вкус как у человека. Я не влюблён в тебя и ничего такого!

Эдвард: Выходит, твой запас сказок неистощим, Ганс. Как это вообще возможно?

Ганс: Ну, это просто сочинительство, не так ли? Просто я умею - сварганить что-нибудь. Это твоя худышка дочь? Здравствуй!

Ингрид: Да, Ингрид. Мы встречались раньше.

Ганс: Встречались?

Ингрид: Да, раз сто.

Ганс: Ну, я встречаю много людей, не так ли? Я очень знаменит. Сэндвичи, Эдвард? (Ей) Ты можешь тоже подойти, Ингмар....

Ганс уводит Эдварда под руку, оглянувшись последний раз на красных людей, которые что-то шепчут журналисту, указывая на Ганса, и это ужасает журналиста. Он последним уходит со сцены. Взбудораженным.

Вырубка света

Сцена третья

Ночь на кукольном чердаке. Ящик стоит на широкой полке, которая проходит почти через всю комнату, а внутри «Марджори», леди-пигмейка, сидит и пишет. Пара страниц выскальзывают из прорези для бумаг и плавно соскальзывают на пол. В это время важной, самодовольной походкой входит Ганс, он слегка пьян.

Ганс: *Громогласные* аплодисменты! Он ушёл под *громогласные* аплодисменты! Какие были аплодисменты, когда он уходил? Чертовски *громогласные*!

Марджори: Детям понравилось?

Ганс: Понравилось? Они обожают ее, подруга. Даже тупые. А там было полно таких, это всё были дети богатых.

Марджори: Они полюбили ее? Они полюбили «Чёрную Русалочку»?

Ганс: Ээ....все полюбили её, правда. Да. Хотя, ты знаешь, мне пришлось сделать пару изменений. Небольших изменений.

Марджори: Изменений?

Ганс: Только в названии... и кое-какие мелочи, ну знаешь, про главную героиню.

Взволновавшись, Марджори подходит вплотную к стеклу впереди.

Черных русалок не бывает! Всем это известно!

Марджори: Но...

Ганс: Что «Но»?!

Марджори: Русалок в принципе не бывает!

Ганс: Мелочные придирки! По крайней мере, я сохранил твой мрачный конец. Я думал, что она должна была выйти замуж за принца! Не летать в эфире-зефире триста лет. Следующая сказка - *жизнерадостная*. У нас хватает смертей в снегу. Детям нравится чуть-чуть мрачности, но серьезно, отправляй их баю-бай улыбающимися. Как в жизни. Если только они не трубочисты. Я о том, что в моей жизни было полно горестных периодов. Я был сыном ненормальной прачки, но сейчас посмотри на меня. *Прославленный. Обожествленный*. Лучший писатель, и вместе с тем, все это так легко даётся мне.

Марджори начинает тихонько плакать, съёживаясь.

Хорошо, нам. О, мы не будем снова рыдать в этом году, не так ли?

Марджори: Ты не можешь!

Ганс: Я могу и я сделал, не так ли? Навсегда. «Русалочка». Без указания цвета. Что значит, что на белая, поэтому, смиришься. (Пауза). Да ладно, Марджори. Я раздобыл тебе сардельку!

Он предлагает ей сардельку через отверстие. Она берет ее.

Марджори: Неужели ты не можешь назвать меня по моему африканскому имени хотя бы раз?

Ганс: Нет. Я не могу. Его слишком сложно запомнить. Слишком много М и слишком много Б - Мбубба бубуббаба. Нет. «Марджори». Мне нравится «Марджори». Это вроде уродливой английской принцессы! «А есть какая-то другая?» - кричит хор!

Марджори: Тогда неужели я не могу выйти из ящика на вечер? Я уверена, что наши сказки были бы не такими пессимистичными, если бы я могла видеть птиц, деревья, крыши.

Ганс: Со сказками и так всё в порядке уже с тем, что ты видишь из двухдюймового отверстия для сарделек.

Она снова падает духом

Но... Я полагаю....

Она наполняется радостью.

Ты, конечно, помнишь, какая была плата в прошлый раз, когда я выпустил тебя...

Марджори: Нет! Ты не получишь мою вторую ступню! У меня осталась только одна!

Ганс: А.. Всё равно нет желания пилить сегодня вечером. Слишком брызжет. А я немного устал от всех этих рукоплесканий. Это было чертовски громогласно!

Марджори на минуту задумалась.

Марджори: «И каждую ночь он выпускал её из ящика, потому что он не был совсем уж плохим человеком. Однако, каждое утро, когда он помещал её обратно внутрь, он делал ящик на *один дюйм меньше*, потому что я солгала, когда сказала, что он не был совсем уж плохим человеком. Вообще-то, он был ужасным человеком».

Ганс думает об этом

Ганс: Оооо, мне это нравится - уменьшать ящик, потому что это увязывается с тем, в чём я великолепен....

Он указывает на ужасно сделанную лестницу под окном...

Плотничество!

Он выкручивает тяжёлые болты, удерживающие стекло.

На три дюйма меньше...

Марджори: На *один* дюйм меньше, ради Бога!

Ганс: Хорошо! Ворчунья.

Он снимает стеклянную стенку, позволяя ей выйти и прогуляться по полке на её плохо сделанном костыле, она разглядывает кукол, мимо которых проходит.

Марджори: (поёт)

Однажды придёт мой принц

Однажды придёт мой принц

Он назовёт меня по имени

Он освободит меня из круга

Ада, в котором я пребываю

Он принесёт мне ружьё

Он принесёт мне ружьё

И весь мир будет печалиться

И весь мир будет печалиться о том,

Что Европа сделала с тобой

Десять миллионов черепов

Выставят ужасный счёт

Из ада тебе

Из Ада тебе.

Ганс берет пилу и линейку, которые прикреплены к ящику наверху, и начинает распиливать его

Ганс (ликующе): Ты развалишься на кусочки, если мы будем делать это слишком часто!

Марджори: Да. Детям действительно понравилась «Русалочка»?

Ганс: Чертовски! Они обожают ее, подруга! Мой агент сказал, что «она - уникальна»!

Марджори: Хотя эти агенты... Они все мудозвоны, ведь так?

Ганс: Вау! Посмотри, какой маленький костыль я тебе сделал. Видишь, ты не можешь сказать, что я совсем уж плохой! Ты как маленький Крошка Тим из «Рождественских повестей» Диккенса! Только из Африки и не такая смешная .

Марджори: Мне нравится Крошка Тим. Мне нравятся обреченные калеки в сказках, которые умирают. Мне было жаль, что он выжил в конце. Пусть даже это и Рождество.

Ганс: Вот, именно это, это и есть то, что не так с твоим настроением. Наша новая мантра - «жизнерадостно, да...»

Марджори: «Жизнерадостно, да...»

Ганс: (передразнивая) «Обреченные калеки, которые умирают в Рождество...»

Марджори (улыбается на реплику Ганса «нет»): «*Может быть...*»

Ганс: Нет, не «может быть». *Нет*. Что напомнило мне! Чарльз Дарвин пригласил меня в гости и предложил остановиться у него в доме в Лондоне...!

Марджори: Чарльз *Диккенс*...

Ганс: Чарльз *Диккенс* пригласил меня в гости и предложил остановиться у него в доме в Лондоне, потому что он считает, что я абсолютно потрясающий! Я думаю, он тоже довольно хорош, хотя я не читал ни одной его работы, они слишком длинные, но он был очень мил со мной десять лет назад, когда я познакомился с ним на приеме в Дорсете для тех, кто, скорее, походил на элитных проституток. С тех пор мы переписывались. Ну, я писал. Он слишком занят. Но кажется, у нас так много общего.

Марджори: Например, что?

Ганс: Ну не знаю. *Он* - писатель, *мы* - писатель. *Он* любит бедных, *ты* любишь бедных. Вся наша благотворительность идёт в Африку. Мне кажется, его мать тоже могла скончаться от безумия, но я не уверен, спрошу у него.

Марджори: Только не забудь в этот раз оставить *еды*.

Ганс: Да, да. Говоря о забывчивости...!

Он достаёт пачку писем из пиджака.

Я только что вспомнил о письмах фанатов! Класс!

Начинает просматривать конверты.

Что у нас тут... бедные дети, бедные дети, бедные дети...

Он выбрасывает пачку за спину.

Ооо, а это что! Письмо от испанского монарха! Мой Бог! И настоящая *печать*, смотри. Шикарно!

Марджори подходит и садится рядом с ним, играя с кукольным пауком.

Марджори: *Я бы* хотела получить письмо с настоящей печатью.

Он кидает на нее взгляд .

Ганс: Как я сказал, письмо - от монарха! «Уважаемый Ганс Христиан Андерсен...». Ооо, немного официально, но это ничего. «Ваша сказка про утят замечательна...» Он, должно быть, имеет ввиду «Гадкого утёнка». «Утята!» Милый Король! «Здесь, во дворце, мы *обычно* весьма восхищены вашими новыми сказками...» Вот это «*обычно*» мне не нравится. «Однако...» О, ещё и «однако», это еще хуже. «Однако, «Новое платье короля» ввело нас в недоумение». «В недоумение» - это хорошо, это значит, что *он* просто глупый. «Как *король*, *ни* при каких обстоятельствах я не стал бы разгуливать голым на глазах у всего света. Я бы не сделал этого ни при каких обстоятельствах, даже если бы это было веянием *моды*. И,

конечно же, мои причиндалы заметили бы люди и сказали бы об этом, а не только одна маленькая девочка? И, в целом, правильно ли продемонстрировать свои причиндалы какой-то девочке в детской сказке? Ей, должно быть, всего лет семь, этой девочке. Очевидно, что тут присутствуют некие нравственные последствия для моего мужского достоинства перед лицом этой маленькой девочки? Или я неправильно понимаю? Искренне ваш, Король Испанцев» (пауза). Что ж, я думаю он абсолютно упустил сатирический аспект.

Марджори: Он абсолютно упустил сатирический аспект, да...

Ганс: Он читает ее слишком буквально, не правда ли? Хотя, в целом, письмо позитивное! И от Короля, не меньше! Великолепно - получить письмо от Короля, не так ли? Даже, если это всего лишь Испания.

Марджори: Придёт день, когда на свете не будет ни королей, ни королев. Люди по-прежнему не будут любить друг друга так, как им следовало бы, ничего не разрешится, но, хотя бы, будет меньше мудаков, за которых мы платим непомерную цену.

Ганс: Хочешь вернуться в ящик?

Марджори: Король Бельгии Леопольд Второй, например.

Ганс: Бельгийско-Конголезский король? Твоя *bete noir*? (Большая тема. Прим. Переводчика)

Марджори: Вот сейчас кто-то настоящий мудака

Ганс: Ты просто завидуешь, потому что он богатый, а ты нищая, и он убил девять миллионов человек в Африке, а ты нет.

Она встаёт и снова начинает ходить

Марджори: Десять миллионов человек в Африке.

Ганс: Девять, десять, трудно запомнить, когда цифры доходят до таких величин, не правда ли? Давай просто скажем «много». Но готов поспорить, лет через сто в Бельгии все равно будут статуи в его честь. А в твою - ни одной. Короли *нравятся* людям, а африканским карлика - могут нравиться, могут нет.

Марджори: У нас были короли и королевы в Африке.

Ганс: Были?

Марджори: Да. И тоже были мудаки.

Ганс: Хватит уже этого слова на М, пожалуйста. Ооооо, письмо преодолело весь путь из Ирландии. От маленькой Морин восьми лет. Безусловно, мы прочтём его! Ужасный почерк, но полагаю - это Ирландия.

Марджори забирается по лестнице к окну, держа кукольных голубей.

Возможно, Морин писала маленькой картофелиной, опущенной в чернила?! Ну не гадкий ли я?!

Марджори: Если она пишет из Ирландии 1850х годов, и если она смогла найти картофелину, я сомневаюсь, что она будет макать ее в чернила.

Ганс: И что это, текущая ситуация? Слишком для меня.

Марджори: У них нет там сейчас картофеля.

Ганс: Как печально! Когда это всё, чем они знамениты. «Дорогой Ганс...» Немного неформально! «Я прочитала...». Я буду читать своим ирландским голосом... «Я прочитала твою чудесную сказку «Девочка со спичками», и она наполнила слезами мои глаза, так и было. Потому что она напомнила мне о моей собственной тяжелой жизни...» Приехали, просительное письмо.... «Моя собственная тяжелая жизнь, сиротская и обездоленная в восемь лет...» Погоди-ка, ей восемь, и она использует такое слово как «обездоленная»? Я не думаю, Морин! Наверно, это написала ее мать... Бла-бла-бла «Пришлось похоронить младшую в торфяном болоте Коннемары...» бла-бла-бла... «И тем не менее, все, о чем я могла бы мечтать...» Ну вот... «Это фотография от Ганса Христиана Андерсена...» Оо... «Человека, который научил детей по всему миру снова мечтать. Искренне твоя, Морин... Кэрррфлэррггхх...». Я даже не буду *пробовать* произнести это имя! Оно хуже твоего! (Пауза) Хм. Оказалось и не таким уж раздражающим под конец. Бедная Морин. Да ладно, подписанное фото туда из Дании? Я марки не печатаю, Морин!

Он выбрасывает письмо за спину.

Марджори: У них все будет хорошо. Они скоро будут свободными.

Ганс: Кстати, не придумывай никаких странных идей по поводу окна. Моё армированное стекло стоит до хрена.

Марджори: Если бы я хотела сбежать, я бы давно сбежала.

Ганс: Это ты так думаешь.

Марджори: Я, все-равно, не могу уйти, пока оно не придёт.

Ганс: Пока «что» не придёт?

Марджори: Мое будущее.

Ганс: Белиберда была первым явным симптомом на пути моей матери в дурдом, так что следи за собой.

Марджори: Что ты сделал с моей ступней, кстати?

Ганс: Твоей маленькой ступней? Я обменял ее у цыган на заколдованный концертину. Ну, они *сказали*, что он заколдованный. Мне было слишком страшно играть на нем!

Он указывает жестом на концертину на стене и делает испуганную гримасу.

Марджори: Да, я ненавижу заколдованные музыкальные инструменты. Особенно, волынки.

Ганс: И мое последнее фанатское письмо этой недели из... Ооо, «Аноним». Наглец! «Уважаемый Андерсен...» Так, это немного, не знаю, что это...»

Марджори: Грубо?

Ганс: Грубо, да. «Уважаемый Андерсен, как получилось, что все твои сказки звучат так, словно их написала чёрная лилипутка, заточённая в трех-футовый ящик?»

Они обмениваются взглядами, затем Марджори спускается по лестнице и снова садится рядом с ним. Она слушает и играет кукольной лисичкой, а также с цыплятами.

Например «Дюймовочка». Крошечная женщина, с которой пытались дружить жуки, и которую спасла птица. Или «Тень». Писателя, после странного путешествия в Африку, начинает мучить и преследовать его собственная тень, тень, которая оказывается умнее, чем писатель, забирает всю его жизнь, а затем уничтожает его. Всё, что скорее всего, только очень умная женщина-пигмейка....прикованная цепями в трёх-футовом ящике... с

одной стеклянной стороной и с двух-дюймовым отверстием для сарделек...могла сочинить. Ты слышал меня, Андерсен. Женщина-пигмейка, прикованная цепями в трёх-футовом ящике».

Они смотрят друг на друга, потом он жестом указывает на кукольных лисичку и цыплят, с которыми она играет.

Что ж, это называется пустить лису в курятник! (Пауза). По крайней мере, он неправ по поводу *цепей*. Он или она.

Марджори: Или *они*.

Ганс: Или *они*.

Марджори: (пауза) Сегодня на чтении не было никого необычного, так?

Ганс: Необычного? Нет. Никого, кто бы бросился мне в глаза. Необычный в каком смысле?

Марджори: Пара братьев, покрытых кровью, возможно?

Ганс: Я не заметил. (Пауза). Но там было много людей, понимаешь? Я очень знаменит (пауза) Как еще они могли бы выглядеть? Эти несуществующие братья.

Марджори: Возможно, у них были револьверы? Или бельгийский акцент?

Ганс: Бельгийский акцент? Ну, они ничего не говорили.

Марджори: Кто ничего не говорил? (Подловила)

Ганс: (Пауза) В самом деле.

Они оба смотрят пристально вперёд.

Вырубка света.

Сцена четвёртая

Измазанные кровью бельгийцы, Дирк и Барри, в свете прожектора или чего-то подобного.

Барри: Велосипеды!

Дирк: Вы не поверите нам!

Барри: Это были велосипеды, не так ли?

Дирк: Сейчас это кажется таким безобидным, но да!

Барри: Все любят велосипеды, ведь так? Но из-за велосипедов...

Дирк: Нам пришлось убить десять миллионов людей в Конго.

Барри: Нелогично! Вот, что я сказал!

Дирк: Это был каучук, понимаете?

Барри: Для шин.

Дирк: У них был каучук...

Барри: А у нас не было каучука в Бельгии, поэтому...

Дирк: Рынок заставляет, не так ли?

Барри: Король Леопольд Второй...

Дирк: Тот, что с бородой...

Барри: Ему нравились велосипеды, и он испытывал желание иметь колонию в Африке, поэтому...

Дирк: У всех есть колония в Африке! Почему же Бельгия не должна иметь колонию в Африке?!

Барри: С этой логикой не поспоришь.

Дирк: Поэтому, мы отправились в деревни, где не соблюдались нормы выработки каучука...

Барри: И отрубили несколько рук, на начальном этапе в этом есть смысл...

Дирк: Вы бы подумали, что это дисциплинирует их ум!

Барри: *Я бы выработал* больше каучука, если бы знал, что *моя* рука или руки, или рука или руки моих *детей*, будут отрублены, согласны?

Дирк: Оглядываясь назад, мы понимаем, что чем меньше у тебя рук, тем труднее работать.

Барри: К тому же, вы бы, скорее всего, умерли.

Дирк: Поэтому это просто превратилось в порочный круг, не так ли?

Барри: Да, как огромное крутящееся велосипедное колесо, которое никогда...не перестанет....убивать....чёрных.

Дирк: Везде были чертовы ведра с чертовыми руками.

Барри: Волей-не волей, были вырезаны целые деревни.

Дирк: Это был *Лейтенант* Волли Неволли из Антверпена. Он был ужасен!

Барри: Но не всем из нас нравилось убивать мужчин, женщин и детей...

Дирк: Это было бы безвкусицей...

Барри: Поэтому мы отправились в деревни пигмеев и убили *их* вместо тех.

Дирк: Да, это более приемлемо, когда все одного роста.

Барри: И тебе не приходится быстро носиться за ними.

Дирк: Снова оглядываясь назад, вероятно ошибочное умозаключение.

Пауза

Барри: «Сердце тьмы» Джозефа Конрада было навеяно Бельгийским Конго...

Дирк: То есть нельзя сказать, что государство Конго ничего не выиграло от этого.

Барри: Было хорошо для вашей импортно-экспортной торговли.

Дирк: Как бы то ни было, там мы впервые встретили Марджори.

Барри: Или Мбуте, или как бы ее ни звали...

Дирк: В одной из деревень пигмеев

Барри: Там она и убила нас

Пауза

Дирк: Корова!

Барри: Конечно, ничего из этого еще не случилось...

Дирк: Ничего из этого не случится еще двадцать семь лет...

Барри: Поэтому мы вернулись

Дирк: Пресечь это в зародыше.

Барри: Она думает, она может предотвратить это

Дирк: Поэтому *она* вернулась.

Барри: Она не может это предотвратить! Это случилось!

Дирк: Она умна, но она *не до такой* чертовой степени умна!

Барри: Она не может это предотвратить, не так ли?

На мгновение они смотрят друг на друга. Обеспокоены. Оглядываются.

Дирк: Десять миллионов людей!

Барри: Это до хрена людей!

Дирк: Если подумать.

Вырубка света

Сцена пятая

В темноте слышны звуки пилы, также слышно, что что-то отрубают или рубят.

Высвечивается Ганс, он делает ящик на дюйм (или около того) меньше. Марджори или Рассказчик рассказывает свою новую сказку, может быть в мегафон.

Марджори/Рассказчик: Он вырос в подвале церкви в Теннесси и не ладил со своими семью старшими братьями. Они били его и издевались над ним за то, что он страстно любил нежные речи Иисуса, которые проникали сверху сквозь половые доски церкви и наполняли его мятежное сердце миром и любовью и всем таким подобным. Но потом, в один прекрасный день, боже, он пошел и сделал это! Он освободил всех жучков и крошечных созданий, которых поймали в ловушки его братья. Так поступил бы и Иисус, если бы *он* жил здесь внизу и беспокоился о жучках, подумал он. Но когда его братья узнали, о боже, это стало последней каплей! Они поймали его и повесили его за все его восемь лапок и пригвоздили его лапки к брусу, и оставили его умирать в подвале. И он умер...

Марджори достала марионетку паука из-за спины и нежно потрясла его.

Но его душа не умерла. Его душа вознеслась, она вознеслась сквозь паутину, сквозь половые доски, выше священников и паствы. Она вознеслась на Небеса, вообще-то. Но человек у Врат сказал, что они не пускают пауков на Небеса, потому что «они бы просто напугали маленьких детей». И он полетел обратно вниз. И он не знает, где он сейчас. Он не знает, где он. Все, что он знает, что там очень-очень-очень-очень темно.

Ганс закончил изготовление более маленького ящика. Марджори поворачивается посмотреть, ее плечи опущены.

Ганс: Что я говорил недавно?

Марджори: Жизнерадостно?

Ганс: Ну, наконец-то дело сдвинулось с мёртвой точки.

Он небрежно показывает ей пальцем залезть в ящик. Она указывает на кукольного паука.

Марджори: Могу я оставить его?

Ганс: Я хочу сказать нет....поэтому я скажу нет.

Он забирает у нее игрушку. Она залезает в ящик.

Нити марионеток и шеи пигмеек... не... сме...шивать. Как говорят в Швеции.

Он вставляет стекло, она заперта внутри. Он тихонько толкает ящик, и тот начинает качаться из стороны в сторону в то время, как он отходит.

Как тебе в новом маленьком ящике? Уютно?

Марджори: По ощущениям, больше одного чертового дюйма.

Ганс: Могло быть два. Я не силён в измерениях, но, возможно, это сконцентрирует твой ум на чем-то немного более *жизнерадостном*. Абсолютно новая мантра, Марджори - Жизнерадостно, да. Распятые пауки, которые не могут попасть на Небеса - меньше этого.

Он разворачивает ящик стеклянной стороной от нас, а круглым отверстием на нас. Он достаёт длинную нить сарделек из внутреннего кармана пиджака

О, я забыл упомянуть, я, эээ, еду в небольшое путешествие в Англию. На пару недель.

Глаз Марджори появляется в отверстии

Марджори: На пару недель?

Ганс: Это приглашение Чарльза Дарвина.

Марджори: Диккенса...

Ганс: Это приглашение Чарльза Диккенса. Но я достал тебе четырнадцать сарделек, по одной на каждый вечер, пока меня нет. Будем надеяться, что корабль не потонет, а то тогда мы оба будем в полной заднице! Не передай!

Он даёт ей в руку один конец нити сарделек, продолжение нити с сардельками висит плетью до пола и на полу. Он уходит, и мы слышим, как он закрывает дверь чердака на

замок и спускается вниз по лестнице. Мы видим глаз Марджори и руку, которая держит сардельки через отверстие. Она отбрасывает их от себя на пол, теперь их не достать. Ее глаз исчезает в темноте ящика.

Вырубка света

Сцена шестая

Ящик, по-прежнему, на платформе, задней стенкой на нас. Сардельки, по-прежнему, на полу, куда их выбросила Марджори. Все куклы на задней стене находятся более-менее в тех же позах, хотя Пугало немного скрючилось, незаметно для нас. Дверь на чердак пытаются открыть, затем справляются с замком, и тихонько входит Журналист из второй сцены. Он зажигает спичку и осматривает куклы, сардельки, затем видит ящик и начинает медленно подходить к нему. Он заглядывает в круглое отверстие, и пока он это делает, Пугало начинает крутиться, это жутко. Пугало поднимает голову и открывает лицо Ганса, который наблюдает за тем, что происходит. Позади него высокие напольные часы бьют семь. Журналист, все еще не видя Ганса, медленно разворачивает ящик так, что стеклянная сторона оказывается перед нами и его лицом. В это время Ганс тихо снимает куклу Дровосека и берет настоящий топор из рук этой куклы. Журналист зажигает еще одну спичку, чтобы яснее видеть и начинает постукивать по стеклу. Внутри скомканное одеяло и больше ничего. Ганс кашляет, чтобы наконец привлечь его внимание.

Журналист: О, черт. Здравствуйте еще раз.

Ганс почёсывает нос топором.

А для чего топор?

Ганс: Чтобы рубить. Врубайся. Глупый вопрос.

Откуда- то слышен бесплотный храп Марджори, может быть даже усиленный по звуку. Но Журналист не может понять, откуда он слышен, в ящике ничего не шевельнулось.

Журналист: Рубить что?

Ганс: Рубить комУ.

Марджори: Рубить кого.

Ганс: О, я думал, что надо «комУ», когда мы не знаем, кого мы рубим.

Марджори: Мы знаем, кого мы рубим.

Ганс: Мы знаем. Он нет.

Журналист: Я теперь знаю!

Ганс: О, он теперь знает.

Журналист: (шепотом, но звук усилен): Скажи ему, что ты всего лишь шутишь по поводу его убийства.

Ганс: Я всего лишь шучу по поводу твоего убийства.

Журналист: (шепотом): Чтобы успокоить его.

Ганс: Чтобы успокоить тебя.

Марджори: Нет, не *говори ему*, что ты успокаиваешь его!

Ганс: Нет, Я не *говорю тебе*, что успокаиваю тебя!

Журналист: Подойдёшь ближе - и я разобью это стекло, и тогда тебе придётся иметь дело с нами двумя.

Ганс: Внутри никого нет, придурок.

Он указывает на «куклу», висящую на распятии на задней стене. Кукла поднимает голову, и мы видим, что там висит Марджори. Она быстро машет рукой.

Я видел, как ты поднимался по ступенькам, дурак! Ты называешь это «крадучись»? Чертовы слоновьи шаги!

Журналист: Ты и, *правда*, держишь пигмейку на своем чердаке.

Ганс: Кто говорит, что держу? Хорошо, да, держу. Но обсуждение этого не делает *менее* вероятным тот факт, что тебя убьют, не так ли? Это делает его *более* вероятным.

Марджори: Но да, *кто говорит*, что он держит пигмейку на своем чердаке?

Он поворачивается к ней.

Журналист: О...ну, хороший журналист никогда не раскрывает свои источники, не так ли...?

Ганс сильно бьет Журналиста по голове топором. Он резко оседает, истекая кровью...

Ганс: Хороший журналист?! Ты грабитель!

Марджори: *Грабитель.*

Ганс: *Грабитель.* Грабитель со слоновьими ногами!

Марджори: Кто сказал тебе?!

Журналист: Красные парни...!

Марджори слезает с креста. Она обменивается взглядом с Гансом.

Марджори: Как они узнали?

Журналист: Я не знаю! Клянусь, я не знаю!

Марджори: Они были бельгийцами?

Журналист: Да, думаю да. У них были темные волосы и огромный комплекс неполноценности.

Ганс: Это точно бельгийцы! А это была кровь или джем?

Марджори: Ганс, ради всего святого! Конечно, это была кровь. Это была тридцатилетняя кровь Конго.

Ганс: Это звучит не слишком гигиенично.

Журналист: У меня кровь...

Ганс: Конечно, у тебя кровь. Что это, по-твоему, было? Смазка для топора?

Журналист: Что величайший писатель Дании делает с пигмейкой на чердаке?

Марджори: Что величайший писатель Дании делает с Гансом Христианом Андерсеном, живущим ниже её?

Журналист: (пауза): Она пишет твои сказки?

Ганс: Нет. Вроде того. Мы их пишем вместе. Только я ничего не записываю. Я меняю вещи, которые мне не нравятся, а затем вычёркиваю всё, что осталось в истории. Я больше как немецкий режиссёр. Ну, или просто немец.

Журналист: Прямо сенсационный материал.

Ганс: Сенсационный материала от мертвеца, к сожалению.

Марджори: Ого, мне это нравится, «Сенсационный материала от мертвеца».

Ганс: Тебе понравилось? Видишь, я не полный болван, не так ли?

Журналист: Прошу вас. У меня слепая мать, за которой требуется уход.

Ганс (зевая): Да?

Журналист: Я - всё, что у неё есть.

Ганс: Откуда доносится эта ноющая скрипка? А да, из твоего рта!

Журналист: Она не только слепая, она еще глухая и немая, бедняжка.

Ганс: Она слепая, глухая и немая? Она вряд ли заметит твоё отсутствие!

Журналист: (Марджори): Прошу вас, Мисс.... Они мне еще рассказали про вашу сестру, бельгийцы.

Марджори: А что про мою сестру?

Ганс: Сейчас-сейчас...!

Марджори: Моя сестра умерла.

Журналист: Нет-нет. Она в ящике в доме у Чарльза Диккенса, в Лондоне.

Ганс хватает Журналиста и, повернувшись к нам спиной, перерубает топором ему горло, кровь брызжет на стекло ящика. Ганс отпускает тело, оно оседает на пол. Сам стоит и виновато перебирает пальцы.

Ганс: «В доме у Чарльза Диккенса, в Лондоне!» Как-будто кто-то настолько знаменитый будет иметь ...пигмейку в....

Марджори смотрит на него, в оцепенении. Ганс смотрит на наручные часы.

И вообще, как я говорил, я еду в гости к Чарльзу Диккенсу, в его дом в Лондоне. Нам многое надо обсудить. Ты бы лучше вернулась в ящик.

Марджори: Она жива?

Ганс: Я не понимаю, о чем ты говоришь

Марджори: Она жива?

Ганс: В ящик, пожалуйста

Она залезает в ящик. Он его закрывает.

А ты хочешь свои сардельки или не хочешь свои сардельки, потому что я в курсе о той сарделичной истерике, что ты устроила.

Марджори: Она жива, Ганс?

Ганс: Может быть. Я же говорил, что у нас много общего, говорил? (Пауза). Хочешь, чтобы я передал сообщение?

Она хочет сказать

Нет, я просто валяю дурака. Я не какой-то там «передатчик сообщений», так? До встречи через пару недель, Марджори. Постучи по дереву!

Он обратно вкладывает один конец нити сарделек в отверстие и уходит... затем возвращается и выключает газовую лампу около двери.

Я выключу свет, да? Сэкономим немного газа. Я деньги не печатаю.

Свет тускнеет, и он снова уходит. Слышны его шаги вниз по лестнице. Марджори остаётся со светом от Луны.

Марджори: Она жива!

Она ложится под одеяло с улыбкой и начинает есть сардельку. Рассказчик кашляет, затем начинает говорить.

Рассказчик: Здесь я забегаю вперед... но, вы знаете, путешествие во времени позволяет это...(пауза). Через 18 лет после событий первой части, и за 10 лет до того, как начнутся ужасы в Конго, почитаемый датский писатель-сказочник Ганс Христиан Андерсен скончался в Копенгагене от естественных причин, после осложнений, возникших на фоне его падения с кровати... Богом клянусь, почитайте! (Пауза). После его смерти, среди принадлежащих ему вещей, которые, в основном, состояли из не отосланных любовных писем как мужчинам, так и женщинам, и на чердаке, заваленного куклами из материалов которые еще не были изобретены, был найден очень маленький коричневатый ящик. Внутри ящика лежал крошечный скелет. Он тоже был как марионетка: семнадцать нитей было прикреплено к костям рук, и шестнадцать нитей было прикреплено к черепу...

Во время того, как мы слушаем описание, мы видим в ящике над Марджори подвешенный скелет соответствующий описанию, шея и руки скелета висят на нитках...

У него была только одна ступня и только одна рука, и я не уверен, как Ганс Христиан Андерсен выйдет из этой истории *чистеньким*, но помните, дети, что это всего лишь сказка, и сейчас закончилась только её первая половина. Поэтому, скидывайте свои башмаки и устаивайтесь поудобнее для намного более веселой и более-менее жизнерадостной Второй Части.

Рассказ заканчивается, скелет медленно поднимает череп. Его чёрные пустые глазницы смотрят прямо на нас. Вырубка света.

Конец Первой Части.

Часть Вторая Сцена седьмая

Входит женщина-пигмейка, начинает играть на заколдованном концертине - жутковатую, немножко китайскую мелодию - когда она поворачивается к нам, мы видим, что она слепая, ей давно выдавили глаза. В этот момент, в ящике просыпается Марджори, она в испуге. Только сейчас становится очевидно, что другая пигмейка - не она...

Марджори: Огеки?! Огеки?! Сестра, это ты?! Посмотри на меня, Огеки!

Огеки смеётся жутким высоким смехом и продолжает играть

Закрой концертину, Огеки! Из-за него ты жутко звучишь.

Огеки перестаёт играть

Ты можешь дотянуться до замков на ящике, Огеки?

Огеки: *Китаянка!*

Марджори: Что?

Огеки: *Китаянкой!* Ты должна была сделать Русалочку *Китаянкой*. Это самые страшные русалки. *Китаянки!*

Марджори: Я не хотела, чтобы она была страшная. Я хотела, чтобы она понравилась детям.

Огеки: Китайские призраки - самые страшные призраки, а китайские русалки - самые страшные русалки. Я не знаю почему. Китайские дети милые, но *мертвые* китайские дети - *чертовски ужасающие*. Даже сами китайцы согласны с этим!

Марджори: Господи Иисусе, это сон.

Огеки: Сейчас я расскажу тебе жуткую китайскую сказку. Не теряй надежду!

Марджори: Ничем хорошим это не кончится!

Огеки тихонько играет на концертине - музыкальный фон её жуткой сказки

Огеки: Китайскому сиамскому близнецу перерезали горло...

Марджори: Так и знала!

Огеки: Но его брат-близнец ничего не знал об этом, потому что его брат-близнец был глухим и слепым, понимаешь...

Марджори: Становится еще хуже!

Огеки: Близнец с перерезанным горлом умер мгновенно в их шанхайской лачуге, но его брат не умер мгновенно. Он не мог взять в толк, почему они больше не гуляли, больше не разговаривали, больше не ели. Он знал, что что-то не так, но не мог сообразить что. Как мир может быть жесток к слабым. Убить одну половину сиамских близнецов и оставить вторую половину в неведении в помещении без еды, без тепла, да еще и в зимнее время. У тебя ящик, из которого тебе трудно выбраться, ну и он не смог, бедняга. Он умер спустя

пять дней. Некоторые говорили, от голода, а кто-то говорит, что его убил холод. Некоторые даже говорили, что он умер от разбитого сердца, но это не так. Он умер из-за трупного окоченения брата. Первый случай гибели из-за чьего-то трупного окоченения. Оно подкралось сбоку, оно проникло внутрь, оно забралось в его лёгкие и его конечности, оно вползло в его челюсти. Последнее, что оно захватило, было его левое глазное яблоко, как раз в тот момент, когда последняя слеза упала из него и покатила по щеке, которая уже была холодна. Поэтому, если подумать, раз он до сих пор плакал на этой стадии, возможно это *была* тоска, что убила его. Возможно, это *была* тоска. (Пауза). Сказка окончена.

Марджори: Как это могло помочь мне не утратить надежды?

Оеки заканчивает играть мелодию, вешает концертину обратно на стену, где оно висело ранее.

Оеки: Я лучше поеду обратно в Лондон. Они меня хватятся.

Она снова смеётся своим жутким смехом.

Марджори: (со слезами): Оеки...!

Оеки: Не забывай, где я повесила заколдованное концертину. Оно может однажды пригодиться. Если тебе вдруг захочется поиграть какое-нибудь китайское дерьмо.

Она идёт к двери.

Марджори: Ты умерла, Оеки? Всё это - потому что ты умерла?

Оеки грустно смотрит на пол

Это не сон, не так ли? Ты - привидение.

Оеки грустно уходит, закрывает за собой дверь.

Прощай, Оеки.

Вырубка света.

Сцена восьмая

Большой обеденный стол в доме Чарльза Диккенса. Диккенс, его жена Кэтрин и их трое детей Кейт, Уолтер и Чарльз младший, сидят по одну сторону стола, Ганс - по другую. Диккенс уже багровый от злости, чрезвычайно раздражён.

Ганс: Scusi, no, no («Простите, нет,нет» итал. Примечание переводчика). Но серьезно, мистер Дарвин...

Диккенс: Диккенс! Мистер Диккенс! Мистер Чарльз гребаный Диккенс! Только это я и говорил тебе пять гребаных недель!

Ганс: Диккенс, я знаю! И снова и снова, разве я не ...?!

Диккенс: Сколько еще раз?!

Ганс: Я знаю, не так ли...?

Диккенс: Я - Рождественские калеки! Он - Происхождение гребаных Видов!

Ганс: Pero («однако» итал. Прим. Переводчика), еще раз, мой Дикки, тебе придётся выражаться намного меееедленнее и яснееее, если ты хочешь, чтобы несчастный долговязый парень с Датских земель смог понять, о чем ты говоришь, понимаешь?

Диккенс: Я буду выражаться яснее, я буду выражаться яснее. Когда ты собираешься на хрен свалить? Уже пять гребаных недель, приятель! Ты говорил - две недели, когда только появился, и я поперхнулся уже от мысли о двух! Но пять!

Ганс: Нет, просто... Мне нравится слушать, как ты изъясняешься, но это, ох, это до меня не доходит, понимаешь?

Кейт: Папа говорит, что вы ему не нравитесь, и он хочет, чтобы вы уехали.

Кэтрин: Кейти, дорогая, это не то, что он сказал.

Уолтер: *На хрен свалишь*, он сказал.

Кэтрин: Уолтер...

Диккенс: Не то, чтобы он мне не нравился. Он просто на хрен сводит меня с ума!

Ганс: Всё, что я слышу - это что-то о саде. Это чудесно, поскольку я люблю сады. Так как в садах можно найти....(Чарльзу мл) Найти что, Чарльз?

Чарльз мл. : (угрюмо) Яблоки.

Ганс: Bravo! А как по-датский «яблоки»?

Чарльз: Aeble.

Ганс: Aeble, чудесно! Какой умный! Можно сжать тебя в объятиях?

Чарльз мл. : Нет

Ганс: Прекрасно!

Диккенс: Пять недель этого дерьма! Я имею ввиду - Как-будто мне больше нечем заняться!

Кэтрин: И кто же эта счастливица на этой неделе, Чарльз?

Диккенс: Оооо, ну ты-то хоть не начинай, на хрен. Мне хватило дерьма от долговязого, по гроб жизни. Не хватало еще слушать тебя.

Кэтрин: Идем, дети. Так как ваш отец на данный момент абсолютный ублюдок, полагаю, время идти спать.

Уолтер: Ублюдок!

Ганс: Для маленьких детей - время спать! Восхитительно. Мыло!

Кейт: Папочка снова таскается по бабам, мамочка?

Кэтрин: «Снова» подразумевает, что было время, когда папочка *не* таскался по бабам, что он затем, *возобновил* таскание по бабам, поэтому твоя терминология, Кейт, не совсем в точку, не так ли, милая?

Уолтер: «Терминология», класс!

Ганс: Речь маленьких детей как музыка, музыка Генделя, да?

Уолтер: Засранец

Чарльз мл. : Кретин.

Кейт: Уходите! Уходите!!

Дети уходят, их мать закрывает за ними дверь.

Кэтрин: Спокойной ночи, Мистер Андерсен. Я вполне уверена, что мы увидим вас снова утром, и следующим утром, и будем видеть вас каждое утро до тех пор, пока я и дети не умрем, смею сказать.

Ганс: Bon journey! («Доброго дня» фр. Прим. Переводчика). Вверх по лестнице! Истина!

Кэтрин уходит, по пути бросив на Диккенса злой взгляд.

Милейшие дети, которых я когда-либо встречал. А я, встречал до хрена детей. Даже шведских!

Диккенс встаёт и наливает себе скотч.

Диккенс: Всё это какая-то бессмысленная чушь, всё, что ты говоришь. Просто бессмысленная гребная чушь.

Ганс: Нет, не для меня, Чарльз.

Диккенс: Тебя не спрашивал.

Ганс: Да. Моя мама всегда безумно любила выпивку. А потом она обезумела вконец. Интересно, не приблизило ли одно другое? Ко мне это не имеет никакого отношения, поэтому мне все-равно. Что случилось с *твоей* старой матушкой, дружок?

Диккенс: Да, я понимаю пол-слова через каждые десять слов, а все остальное просто чушь.

Ганс напускает загадочности, находится около Диккенса. Его слова звучат более старательно

Ганс: Я не мог тебя спросить до сего момента, что у тебя с этой дурой, но.... как дила с писательством? (Изображает пантомимой) Писательство?

Диккенс: Писательством? А, так себе, Ганс. Так себе.

Ганс: Так себе? Брожение? Мрачное лицо? Плохо?

Диккенс: Да уж, брожение. «Тайна Эдвина Друджа». *Просрана.*

Ганс: Травма Друджа просрана?

Диккенс: Я прошу прощения, я был не сдержан, Ганс. Я трахался направо и налево за спиной Кэтрин, но это еще всё.

Ганс: Нет? Да? Небо, возможно?

Диккенс: Небо?

Ганс: (указывая наверх): Наши матери?

Диккенс: Я просто продолжу говорить, игнорируя тебя, Ганс. Похоже, так получается лучше.

Ганс: Конечно!

Диккенс: Я чувствую себя отработанным материалом, Ганс. Я не уверен, напишу ли я ещё хоть одно слово, честно говоря.

Ганс: Я попытаюсь понятнее сделать свою речь, пока твоя жена ублажает себя наверху.

Диккенс: Пока жена ублажает себя наверху, я с тобой, Ганс. Не знаю, сколько я смогу пробыть с тобой, но в данный момент я с тобой.

Ганс: Где есть Чарльз Диккенс... Не Дарвин! Диккенс!

Диккенс: Не Дарвин, вот именно. *Диккенс!*

Ганс: Диккенс. Где есть Чарльз Диккенс....*Марджори?*

Диккенс: Я не понимаю. «Где Чарльз Диккенс, Марджори?» Это так же бессмысленно, как всё то, что ты говорил пять недель.

Ганс: Scusi. (Медленно) У тебя есть...

Диккенс: «У меня есть...»

Ганс: угу

Диккенс: «У меня есть...» Хорошо.

Ганс: Очень маленький...

Диккенс: «Очень маленький». Это хорошо. «У меня есть очень маленький...» Не говори член!

Ганс: У тебя есть...

Диккенс: «У меня есть...». Эту часть мы уже прошли. «У меня есть...»

Ганс: Очень маленький...

Диккенс: «У меня есть очень маленький...» Мы продвигаемся, но очень медленно...

Ганс: Пигмей...

Диккенс: «Пигмей»?

Ганс: Лиди...

Диккенс: «Лиди пигмей?»

Ганс: В...

Диккенс: «В...»

Ганс: угу

Диккенс: «угу..»

Ганс: *Ящике*

Он пантомимой показывает ящик

Диккенс: «У....». Позволь я повторю, просто, чтобы... «У меня есть *пигмейка...*» Ты уверен по поводу этой части?

Ганс: Лиди пигмей!

Диккенс: Лиди пигмей! «У меня есть леди-пигмейка....»

Ганс: Лиди пигмей...

Диккенс: «Лиди пигмей....в ящике»

Ганс: Claro («ясно» итал. Прим. Переводчика). Сейчас все ясно.

Диккенс: У меня есть леди-пигмейка в ящике.

Ганс: Как у меня, Дикки.

Диккенс: Само предложение ясно и выразительно, просто оно вообще не имеет никакого дьявольского смысла. «У меня есть леди-пигмейка в ящике».

Ганс: У тебя есть лиди пигмей....(пантомимой показывает пигмейку). У меня есть лиди пигмей.... (показывает еще одну пигмейку)

Диккенс: АААА.... Понимаю....

Ганс: Понимаешь?! Claro? Лиди пигмей?

Диккенс: Все эти недели это не было просто вопросом языкового барьера, так? Нет, более того, Ганс Христиан Андерсен совсем обезумел. Точно так же, как его мать. Совсем обезумел. *Понимаю!*

Ганс: *Моя* мать безумна! *Твоя* мать безумна!

Диккенс: *Моя* мать не была безумна...

Ганс: *Твоя*...

Диккенс: *Твоя* была.

Ганс: *Твоя* лиди пигмей нормальна, *моя* лиди пигмей нормальна. *Моя* пигмей писать очень хорошо. *Твоя* пигмей писать...? Вопросительный брак! Ты говорить.

Диккенс: Ганс...Почему бы тебе просто не поехать домой?!

Ганс: И есчо...

Диккенс: Начинается.... «И еще...»?

Ганс: Дикки, ты..?

Диккенс: «Дикки, я...?»

Ганс: Посы...

Диккенс: Посы ? Посылал? Посылал ли я..?

Ганс: Мне...

Диккенс: «Посылал ли я тебе....?»

Ганс: Этих...

Диккенс: «Этих...?»

Ганс: Красных парней

Диккенс: «Красных парней?». «Посылал ли я тебе красных парней?». Люди не посылают людям красных парней, Ганс! Я понимаю, что Дания - это совсем другая культура, но и в Дании люди не посылают людям красных парней! Я почти уверен, что это какая-то дисфункция лобной доли, Ганс. Может быть, это можно вылечить, правильно подобрав лекарства.

Ганс: Нет красных парней? L'hommes rouge, non? («Красные мужчины, нет?», фр. Прим. Переводчика)

Диккенс: Когда ты вернёшься в Данию, о тебе позаботятся специальные люди, Ганс. Готов поспорить, что ваша система здравоохранения *намного* лучше нашей системы здравоохранения.

Ганс: (упав духом): Нет красных парней?

Диккенс: Тебе надо вернуться к себе, сейчас же, Ганс.

Ганс: (указывая): Наверх?

Диккенс: *Нет. Домой.* Уже прошло пять недель, приятель.

Ганс: (осознав): Пять недель?!

Диккенс: Пять *гребаных* недель, что я и хотел сказать.

Ганс: О, Марджори!

Диккенс: О Боже!

Вырубка света.

Сцена девятая

Чердак с куклами. Слышны шаги по лестнице. Марджори просыпается в ящике - исхудалая, слабая, измождённая. Она подходит к стеклу и слушает, как пытаются открыть дверь. Затем дверь открывают пинком, и две тени заполняют комнату. Она отпрыгивает назад к стене ящика, входят красные парни, медленно. Они напевают жутковатую Елизаветинскую коротенькую песенку с припевом. (Традиционная песня, исполняется канонно. Прим.переводчика) Пока они поют и медленно подходят к ящику, один подбирает и начинает играть с кукольным пауком, второй достаёт старый револьвер Webley...

Хей-хо, дома никого,
Нет монет на мясо и вино
И пусть, а я весел

Роуз, роза, роза, Роуз
Вот моей невесты голос:
Сэр, я выйду за тебя,
За тебя

Динь-дон, динь-дон
Апрельской свадьбы льётся звон
Имя в камне, что под мхом,
Что под мхом

Ах, птичка бедная
Улетай! Лети!
Лети над печальями,
Ночь будет светлая.

Песенка окончена, Дирк постукивает по стеклу револьвером, а Барри тоже достаёт свой револьвер. Марджори скидывает одеяло, в котором она пряталась, и подходит к передней части ящика.

Барри: И снова здравствуй!

Марджори: И снова здравствуй.

Дирк: Приятно видеть тебя после всех этих лет.

Марджори: Да. У вас нет никакой еды, или есть? Я чертовски голодна.

Они устали на нее на мгновение. Затем Барри достаёт пакет чипсов с майонезом и даёт его через отверстие.

Барри: Вообще-то у меня есть. У меня есть немного чипсов с майонезом.

Марджори: Спасибо! (Ест). Необычно.

Дирк: Мы пришли сюда уничтожить её, Барри, а не кормить её чипсами.

Барри: Но мы же можем сделать это мило, не так ли?

Дирк: Получается, зря спели ту жутко песенку. Господи, ну и вонь здесь.

Марджори указывает рукой с чипсами на разлагающийся труп журналиста

Барри: Тот приятный журналист? Перерезанное горло? Кто это сделал?

Марджори: Ганс Христиан Андерсен.

Барри: Ни хрена себе! А все находят его таким милым!

Марджори: (с иронией) Ну давай, рассказывай ...

Дирк: Что с твоей стопой?

Марджори: Андерсен её отрезал и обменял у цыган на заколдованное концертно.

Барри: Чертов мерзавец!

Дирк: Я думаю, может быть он сделал это, чтобы она не тосковала по своей родине, понимаешь? (Ухмыльнулся)

Барри: Ладно, Дирк. Не будем об этом.

Дирк: Она выколола мне глаз бамбуковой палкой!

Барри: Это все в прошлом, не правда ли? Я имею ввиду, в *будущем*, не так ли?

Марджори отдаёт остатки чипсов.

Марджори: Не уверена насчёт майонеза, если честно.

Барри: Вкус дойдёт.

Марджори: Я думаю...

Барри: *Нет. Он дойдёт.*

Дирк: Ладно, хватит про чипсы. Давай перейдём к...

Дирк поднимает револьвер, чтобы выстрелить в нее, но Барри опускает его руку с револьвером...

Барри: Я не буду стрелять в пигмейку в ящике, Дирк. Это то же самое, что стрелять в рыбу в бочке, только в пигмейку. Мы выпустим её на свежий воздух и поставим перед чем-нибудь. Ну ты знаешь, как было с её мужем и детьми!

Барри начинает снимать стеклянную панель, пока Дирк держит револьвер, наставленным на Марджори.

Дирк: Не пытайся сумничать.

Марджори: Мне и не надо пытаться.

Дирк: Типа умная. Типа умная малявка?

Марджори: Где ваш третий брат, кстати?

Барри: У нас его нет.

Марджори: Нет, есть. Вы были тройняшками, когда я убила вас в прошлый раз. Сиамская тройня. Вы, должно быть, потеряли его во время путешествия во времени.

Барри взволновала эта информация. Он смотрит на шрамы, которые идут вдоль их рук и боков.

Дирк: Не слушай её, Барри. Она просто пытается запудрить тебе голову.

Барри: И это работает, черт побери, Дирк!

Дирк: Она так всегда делает, не так ли? Просто сочиняет.

Марджори: Он прав. Даже не бери в голову.

Но Барри все ещё взволнован.

Дирк: Ты всегда писала, Марджори?

Марджори: Да. Ещё до того, как я была ребёнком.

Они сбиты с толку

Барри: Вау. Она не просто хорошо пишет, она еще и хорошо помнит!

Дирк: Жаль, что этого больше не будет.

Марджори: Сказка еще не закончена, не так ли, парни?

Она им подмигивает

Барри: Она очень самоуверенная для лилипутки, которую вот-вот казнят.

Марджори: Это всё майонез!

Дирк: Типа умная? Встань туда и заткнись.

Марджори: Вы будете отсчитывать с 10 до чего-то, как на дуэлях?

Барри: Ну, это же не дуэль, так?

Дирк: Мы бельгийцы, а не французы!

Барри: Мы *собирались* просто застрелить тебя. Никакого отсчета не предполагалось.

Марджори: Хотя, было бы более драматично, ведь так? Отсчёт. А я бы могла сыграть прощальную мелодию для мои любимых. Это будет жуткая мелодия и немного китайская, но будет очень атмосферно!

Дирк: Я голосую против!

Барри: Я голосую за! Потому что это меньшее из того, что мы можем сделать, учитывая Конго.

Дирк: Полагаю, мы и так уже столько проехали..

Марджори: Спасибо.

Она снимает концертину со стены и начинает играть загадочную мелодию. Они поднимают револьверы, взводят курки и нацеливают на нее.

Марджори: Ну, начинайте!

Барри и Дирк: А! Мы начинаем! Я думал, ты начнешь! Десять...!

Мелодия продолжает звучать

Марджори: Всё, чего я когда-либо хотела..

Оба: Девять!

Марджори: Это засыпать около своего мужа и моих детей...

Оба: Восемь!

Марджори: И чтобы сказки в моей голове...

Оба: Семь!

Марджори: Утихли

Оба: Шесть!

Марджори: Но потом вы убили моего мужа...

Оба: Пять!

Марджори: Затем вы убили моих детей...

Оба: Четыре!

Марджори: И всё, что осталось - это мои сказки...

Оба: Три!

Марджори: А сейчас вы убили и их.

Оба: Два!

Марджори: А сейчас вы убили и их.

Оба: Один!

Марджори глубоко вздыхает, зажимает глаза. Концертино звучит на своем самом широком аккорде. И в тот момент, когда красные парни собирались выстрелить, сцена неподвижно замирает как картина Гойи. Вырубка света.

Сцена десятая

Дом Диккенса. На столе стоит дорожная сумка Ганса, и Диккенс торопливо помогает ему надеть пальто и шляпу. В это время входит Кэтрин.

Ганс: Я не...А! Я не совсем хорошо понимаю...

Диккенс: Ничего страшного. Иногда хорошо, не понимать чего-то, не правда ли? Это оставляет пространство для изучения в будущем... (К Кэтрин). Я думаю, я заставил его уехать....

Кэтрин: Ты втираешь мне!

Диккенс: Не делай и не говори ничего, что заставит его передумать!

Ганс: Красных парней нет?

Диккенс: Нет, красных парней нет.... Пуговицы, вот так... Он был не только Датчанином, Кэтрин, он был еще и ненормальным!

Ганс: И нету лиди-пигмей? Нет пигмейки в ящике?

Диккенс: Нет, нет пигмейки в ящике, Ганс. В Лондоне совсем нет пигмеек. Малоизвестный факт, да, Кэтрин?

Кэтрин: Да. Она умерла в прошлом году, бедняжка.

Диккенс заставляет себя улыбнуться, продолжая помогать Гансу застегивать пуговицы

Диккенс: Нет, это....это не помогает ситуации, Кэтрин...

Ганс: Умерла, ты говоришь?

Диккенс: Она не сказала ничего похожего на умереть!

Кэтрин: Да, она умерла в Рождество. Дети были раздавлены, пока мы не дали им игрушечную железную дорогу.

Ганс: Твоя леди пигмей умереть?

Диккенс: Нет,нет,нет,нет,нет....

Кэтрин: Да, разве Чарльз не сказал тебе?

Диккенс: Что я только что....Теперь он никогда на хрен не уедет!

Ганс: Мистер Дарвин говорить...

Диккенс: Диккенс!!

Ганс: Мистер Дарвин говорить, у тебя никогда не, не, не было ни пигмей ни, ни, ни пигмейка .

Кэтрин: У нас была *была* пигмейка. О чем ты, Чарльз? Кто же писал все эти произведения, пока ты трахал всё, что двигалось?

Диккенс: (сидя): Мне это не нужно. Разве мне это нужно? Нет, мне это не нужно!

Кэтрин: А сейчас ты уже даже врешь о женщинах, с которыми ты *не* спал, не говоря уже о тех, с которыми спал, так что ли?

Диккенс смотрит смущенно в сторону

Чарльз? Я сказала, что «Сейчас ты уже даже....» О, Чарльз, ты же не...

Диккенс: Конечно, нет! За кого ты меня принимаешь!

Кэтрин: Боже...

Понимая, что он лжёт, Кэтрин садится за стол, вымотанная

Ганс: Маленькая леди пигмей умирать? А мистер Диккенс врать? А мистер Андерсен не сумасшедший?

Диккенс: Два из этих трёх утверждений точны, нужно отдать тебе должное.

Он грустно встаёт и достаёт из буфета скелет пигмейки, который переделали в марионетку: семнадцать нитей были прикреплены к костям её рук, а шестнадцать нитей были прикреплены к её черепной коробке. У нее нет одной кисти и одной стопы.

Дети, можно сказать, скучали по ней, поэтому мы переделали её скелет в марионетку. Но это не то. Теперь я не могу закончить «Друда», и дом кажется таким невероятно пустым после Рождества. Ты в общем-то не замечаешь звук печатающей машинки.... до тех пор, пока он не исчезает.

Ганс: Скелет? Из да («из» итал. Прим.переводчика) шкафа?

Диккенс: Да. В этом, по-видимому, есть какая-то шутка, но я не знаю, какая!

Кэтрин: Да, тебе нужен кто-то, кто напишет её для тебя, не правда ли, Чарльз?

Диккенс: Кэтрин, прошу тебя!

Ганс берет скелет

Ганс: Как твоя маленькая Марджори умереть?

Диккенс: Как моя Марджори умерла?

Ганс: Умерла, да! Умерла, лживый Дикки! Умерла!

Диккенс: Да, прошу прощения, я солгал, Ганс. *Мне жаль*. Просто тяжело признать, не так ли, что работа всей твоей жизни была написана крошечной африканской женщиной, которую ты заточил в ящик. В свою защиту скажу, что она не писала *совсем всё*....

Кэтрин: Хрень!

Диккенс: Она сочиняла только сюжеты, и персонажей.... и диалоги. И все описательные куски. Я помогал с названиями! «Холодный Дом», это моё! То, что про дом.... который был немного холодным. (Пауза). «Крошка Доррит»....это о.... ну, название говорит само за себя. (Пауза). «Средние надежды».... Нет, она вернула своё название, не так ли, поэтому нет.

Кэтрин: Я ухожу от тебя, Чарльз.

Диккенс: Кэтрин, прекрати это....

Кэтрин: И я забираю одного из детей с собой.

Диккенс: *Одного* из детей?

Кэтрин: Да, Кейти. Остальные надоедливые. Особенно тот, что туго соображает.

Диккенс: Который из них туго соображает?

Кэтрин: Именно!

Ганс: Как как твоя маленькая Марджори умереть?

Диккенс: Что ж, это немного длинная история, но я знаю, ты не торопишься.

Ганс: Да...

Он садится за стол, снимает шляпу и расстегивает пуговицы. Диккенс вздыхает.

Диккенс: По-видимому, цыгане... У вас есть в датском языке это слово - цыгане?

Ганс: Gyros, да.

Диккенс: Gyros, да, цыгане.... По-видимому, цыгане - а я не знал этого в то время - но, по-видимому, цыгане из будущего вернулись в наше время, чтобы сказать нам, что работа бессмысленна, и что нам всем надо больше быть на свежем воздухе. Должен сказать, что я одобрил эту концепцию, только я не думаю что они достаточно верно её объяснили. Как бы то ни было, *моя* Марджори...мы, вообще-то, звали её Памела, в честь покойной тёти Кэтрин в Рочестере....как бы то ни было, Памела заручилась словом нашего местного цыганского контингента вернуть что-то ей из будущего, что-то, что она надеялась использовать в Конго. Если бы она вообще смогла достать денег, чтобы поехать туда, или, я полагаю, просто *выжить*. И вот цыгане пришли в Рождество и постучали, как они обычно делают. Я отдал им её стопу и одну из её маленьких кистей рук, а они мне отдали то, что назвали заколдованным концертино - одно из имеющихся у них двух, сказали они. Я отнёс его наверх Памеле, не так ли, дорогая? И отдал его ей, и впервые за многие многие годы её глаза засияли...её прекрасные маленькие глаза засияли...

Кэтрин с грустью посмотрела на него

Но оказалось, что концертно не заколдовано, они и не бывают такими, это просто было наилучшее место для хранения автомата, который они ей принесли. А потом, как можно представить, началось такое...!

Вырубка света в доме Диккенса и сразу же возвращается свет на ...

Сцена одиннадцатая

На чердак, в момент, когда бельгийцы досчитывают до..

Оба: Один!

Вслед за чем Марджори стремительно хватает автомат, который был спрятан в концертно, раздаётся безумный оглушающий залп огня, который разрывает бельгийцев на страшные куски, кровавые кишки вылетают из них, в стиле фильмов Пекинпа, они танцуют свой жуткий танец смерти, кровь хлыщет из сонных артерий и брызжет на стены позади них, пока они, наконец, не падают замертво друг на друга, словно единая куча чего-то, на залитый кровью пол. Они лежат, а Марджори выпускает еще одну очередь разрывающего огня, чтобы мало не показалось. Она отступает назад и смотрит на проделанную работу - Дирк мёртв, Барри - почти...

Марджори: Чертовы бельгийцы!

Марджори забирает у них из рук револьверы. Если они выпали во время огня, она поднимает их. Она кладёт револьверы на концертно, которое она положила на полку...

Webley, красивые. Старомодные. Или это ново-модные, я запуталась! Но ведь много оружия не бывает, когда ты идёшь спасать Конго!

Она оглядывается, чтобы решить, какой у нее дальше план действий, но её пугает Барри...

Барри: Марджори?

Марджори: О, жив, здравствуй..

Она снова берет револьвер...

Барри: У нас...У нас, действительно, был еще один брат? Третий сиамский брат, которого мы потеряли во время путешествия во времени?

Марджори: О! Нет, нет, я просто валяла дурака! Ты не поверил мне, ведь так?

Барри: Это было немного подло, Марджори.

Марджори: Меня зовут Мбуте, урод.

Она пинает его в голову, и он умирает. Она кладёт револьвер на концертно, поправляет рубашку и заправляет её в брюки, готовая действовать. Хватает свой деревянный костыль...

Достал мне маленький костыль!

Хромая, идёт к чему-то, что она заметила на крыше ящика и берет этот предмет, радостно - марионетка паука!

Теперь уже не так темно, не так ли, паук? Теперь уже не так темно!

В этот момент в дверях появляется тень Ганса, а затем и он сам входит. Марджори бросается к револьверам на концертине, но он уже около него. Он берет револьверы и надевает концертину. Они стоят и смотрят друг на друга довольно длительное время.

Ганс: Ты не поверишь, какой желчный этот Чарльз гребаный Диккенс!

Марджори: О, нет?

Ганс: Он только и делал, что пытался заставить меня поверить, что у меня крыша поехала!

Марджори: Крыша поехала? У тебя? Никогда!

Ганс: Это я и сказал! (Пауза). Оооо, я вижу заявили красные парни.

Марджори: Мм. Мне пришлось их убить и всё такое.

Ганс: Я вижу! (Пауза). Полагаю, они это заслужили.

Марджори: Заслужат.

Ганс: Дааа, я немного сбит с толку этим обилием путешествий во времени!

Марджори: Как моя сестра?

Ганс: (пауза): Ничего...

Марджори: (с надеждой): Ничего?!

Ганс: Нет, не «ничего» в смысле «хорошо»! Господи, нет, не «ничего». «Ничего хорошего».... многоточие.... «она»...многоточие... «мертва». Точка.

Марджори: О. Я знала.

Ганс: Знала? Пигмейская интуиция?

Марджори: Нет. Я просто знала.

Она грустно садится.

Ганс: Мне очень жаль, Марджори. Честно.

Он достаёт из сумки скелет Памелы, повешенный на марионеточные нити...

Но я таки вернул её тебе.

Марджори: Что?! Я знала, что она умерла! Я не знала, что в её чёртову голову вставили кучу кукольных нитей!

Ганс: Ну, я не делал этого! Не стреляй в гонца! Это Чарльз Диккенс, этот козел! Вот он такой и есть!

Она берёт сестру

По его бороде уже видно, что он придурок. Я не поеду больше в эту дерьмовую маленькую страну. Там самые уродливые дети в мире. Не надо было называть сказку «Гадкий утёнок», надо было назвать «Гадкий английский ребёнок», это было бы более достоверно. За исключением того, что с возрастом это у них не проходит.

Марджори ласкает скелет, с любовью, плача

Бедняжка....Каким бы ни было её имя.

Марджори: Огеки.

Ганс: Огеки? Звучит по-японски.

Марджори: Это значит «Дух времени»

Ганс: О, да? А ты всё твердишь, что я плохой. Я, по крайней мере, не отрубил тебе ступню и кисть руки.

Он поднимает отсутствующую часть тела Огеки

То есть, касательно того, кто есть лучший даритель заботы - это я, не правда ли? Ну правда? Я выиграл.

Марджори: Нет, у неё уже не было руки и ноги. С Конго.

Ганс: О, правда? Это странно. Что ж, он просто непрерывно врёт, не так ли, этот чёртов Диккенс? Спорим, они всё-равно похоронят его в Углу Поэтов. Со всеми этими остальными недоумками. (Пауза). Он однозначно спал с ней, впрочем. Я, хотя бы, этого не делал.

Марджори: (в слезах): Что?!

Ганс: О. Ничего!

Марджори: Зачем ты мне это сказал?!

Ганс: Ну....потому что, это случилось, понимаешь. Потому что, это правда. Как ужасы Конго (пауза). Которые ещё не произошли, они *произойдут*, не так ли.... Я же говорил, что сбит с толку.

Марджори: Они не произойдут. Я не позволю.

Ганс: Молодец (пауза). Не знаю, как ты сделаешь это из ящика на чердаке в Копенгагене.

Пауза

Но я, всё же, взял вверх над Диккенсом, ведь так? Я хотя бы не занимался всеми теми делишками. Я даже не пытался!

Марджори: Просто потому, что ты предпочитаешь мужчин.

Ганс: Я не предпочитаю мужчин! Кто говорит, что я предпочитаю мужчин?! Только из-за того, что я занимаюсь вышиванием?

Марджори: Нет. Только из-за того, что ты влюблён в Эдварда Коллина.

Ганс: Да ты что? Кто? Я?! Неужели?! (Пауза) Хотя он мил, не правда ли?

Марджори: Не знаю. Я никогда с ним не встречалась. Я сидела в ящике.

Ганс: О! Я же только что получил письмо от Эдварда Коллина по дороге, я совсем забыл! Спеша остановить тебя, чтобы ты не перерубила пол-Дании. Возможно, я ему тоже нравлюсь? «Дорогой Ганс...» Хорошее начало, сулит нечто приятное... (читает). О, нет. Куча всего о.... том, что одна из его дочерей умерла, по-видимому. Сколько их теперь?! Рад, что

я никогда не встречался с ней! (Читает). Нет, ни слова обо мне. Некоторые люди... Эгоисты (Складывает и убирает письмо). Хотя он мне всё-равно нравится! Эти глаза!

Марджори встаёт и нежно кладёт скелет на полку. Они смотрят друг на друга.

Что ж, я...я полагаю, тебе давно пора обратно в ящик, не правда ли? (Пауза). И вообще, сколько ты уже не в ящике? Думаю, нам надо уменьшить его соответственно, если мы за справедливость.

Марджори: Да. Конечно. Но, может быть, я могла бы сыграть тебе небольшую мелодию, Ганс? До того, как ты начнёшь плотничать?

Ганс: Ты же знаешь, что я нахожу заколдованные концертино пугающими.

Марджори: Ты привыкнешь после нескольких первых нот.

Ганс: (пауза): Так я предполагал конец сказки, понимаешь? Ящик становится меньше и меньше, ты всё печальнее и печальнее, пока однажды....бабах! (Пауза) Это взорвалась твоя голова, тот бабах.

Марджори: Это дерьмовый конец.

Ганс: Да?

Марджори: Какая у нас мантра? Жизнерадостно, да. Печальная леди пигмейка, которую постепенно расплющивает до тех пор, пока её голова не лопнет...нет!

Ганс: (одновременно): *Может быть...*Я сказал *может быть* одновременно!

Пауза. Он отдаёт Webley и вешает концертино вокруг её шеи.

Счастливого пути.

Они смотрят друг на друга, когда она на мгновение наставляет на него револьвер.

Я не ознакомился с темой...потому что это невозможно. Это же еще не случилось, но это не звучит как нечто забавное, Конго в конце 1800ых.

Марджори: В этот раз будет по-другому.

Ганс: Десять миллионов человек. Это до хрена людей! Думаю, это станет определяющим событием века.

Марджори: Не станет.

Ганс: Разве нет?

Марджори: Потому что, этого не случится. Пара сотен мертвых бельгийцев, и все заткнутся и отвалят домой.

Ганс: Будем надеяться, да? (Пауза). К разговору о мертвых бельгийцах, кто приберёт за этими мертвыми бельгийцами?

Она смотрит на них

Марджори: Ну, это не *мой* чёртов дом, не так ли?

Ганс: Оу! Нахалка!

Пауза

Марджори: Что ж, тогда я ухожу!

Ганс: Тогда уезжаешь в Африку, да? Хорошо.

Марджори: Да. Нет смысла откладывать, да?

Ганс: Воспользуешься путешествием во времени?

Марджори: Неа, вероятно, просто поеду на автобусе.

Ганс: Да, мне нравится датская транспортная система, она очень чистая и очень эффективная, хотя, я почти уверен, автобусы не идут до самой Африки. Тебе придётся, как минимум, ехать с пересадкой.

Марджори: Это ничего. У меня есть время.

Они смотрят друг на друга...затем жмут друг другу руки.

Ганс: Да. Очень чистые. Датские автобусы. (Пауза). В отличие от итальянских! Боже мой! Такое ощущение, что они разрешают ими пользоваться только прокаженным! Что не может быть правильным, демографически, в Италии, все эти прокаженные? (Пауза). Это, скорее, должен быть Иерусалим.

Пауза

Я буду скучать по тебе. (Пауза) Ты будешь скучать по мне?

Марджори: Нет.

Пауза. Он кивает. Она разворачивается, чтобы уйти. Концертино немного громоздкий, и она разрывает его, чтобы открыть нашему взору мощный новый автомат внутри него. Отбрасывает куски концертино.

Ганс: Так лучше. Менее громоздко в автобусе.

И, держа в руках автомат, с револьверами в каждом кармане, она готова уйти. Она смотрит на пол на мертвых красных парней, обмакивает свои руки в их кровь и размазывает её по лицу и одежде...

Оооо, это не оценят в 176 автобусе!

Марджори достаёт сигару, сжимает её между зубами.

Где ты могла её достать?

Марджори: Куба!

Ганс: Ах ты, умная шалунья!

Марджори: Прощай, Ганс Христиан Андерсен

Ганс: О, прощай...Марджори...Христиан Андерсен.

Она кидает на него презрительный взгляд

Ганс: Прощай...Мбуте Масакеле.

Марджори: Это не было так уж чертовски сложно, не так ли?

Ганс: Это было *немного* сложно, с этими «М».

Марджори стоит в свете дверного проёма и зажигает сигару...

Рассказчик: И она зажигает сигару. И она вложила в кобуру свои револьверы, и она покидает кукольный чердак, чтобы идти спасать Конго.

Время замирает странным образом на сцене.

Добилась ли она успеха или её ожидал провал - на самом деле, только время нам скажет. Но правда в том, грустная и горькая правда, в том, что до сегодняшнего дня по всей Бельгии *по-прежнему* стоят статуи Короля Леопольда Второго....всегда с бородой...часто с мечом в руках... всегда без крови на руках... и как могла бы сказать сама Марджори..

Марджори: Давненько я не видела статую пигмейки, парни.

Рассказчик: Но, как Мбуте могла бы, также, сказать...

Марджори: Сказка еще не закончена. Не правда ли?

Она подмигивает нам...и уходит спасать Конго. Ганс смотрит, как она уходит, её длинная тень очень медленно исчезает в дверном проёме. Ганс стоит, берёт скелет Огеки, нежно вешает его внутри коричневатого ящика, закрывает стеклянную сторону и оставляет висеть, в жутком свете, сам же сидит на полке позади него. Он разглядывает комнату: скелет разлагающегося журналиста, мертвых бельгийцев и забрызганные кровью стены, дверной проём, через который ушла Марджори. Затем он сморит вперёд, слегка кивая головой.

Ганс: *Жизнерадостно!* Более-менее. (Пауза). А было бы хорошо, если б она писала так, не правда ли?

Он слегка кивает головой, свет начинает гаснуть, играет жутковатая мелодия аккордеона (концертино), последний свет задерживается на Гансе и скелете, затем...

Вырубка света.

Конец.

*Перевод выполнен в Перми
Март - ноябрь 2021*